

Дмитрий Белоусов

/экспертное мнение
/локальные конфликты
/новый тип войн

ВОЙНЫ БУДУЩЕГО

Человечество воевало всегда, и нет оснований полагать, что оно откажется от этого увлекательного занятия и впредь. Другое дело – кто и с кем, почему и за что, каким образом? Вот тут возможны довольно глубокие подвижки.

Почему? – необходимо определить новый глобальный табель о рангах

Сейчас, как и сто лет назад, возникла ситуация «перехода гегемонии» от старой страны-глобального лидера (США) к новой (Китаю). Завершиться этот процесс может уже в 2030-х годах (если Китай успешно преодолеет стоящие перед ним структурные, социальные и экономические вызовы).

С учетом накопленного военно-стратегического и технологического превосходства «старого гегемона» ему, как правило, объективно выгодно задействовать это преимущество для фиксации сложившегося статус-кво.

При этом беспрецедентной является ситуация, когда старый лидер, на которого фактически настроены основные глобальные институты, на деле является должником со значительным объемом государственного и частного долга, наращивание которого — одно из условий как поддержания глобального лидерства (активного инвестирования и финансирования НИОКР), так и банального поддержания уровня потребления.

Такая ситуация объективно требует переопределения ролей лидеров глобальной экономики и правил игры. До сих пор такое переопределение было результатом — а значит, объективно требовало — крупномасштабных конфликтов. Изменение геополитической ситуации — переход к многополярному и/или многовалютному миру — будет неизбежно сопровождаться усилением этих конфликтов.

В этом контексте можно усмотреть определенную аналогию с ситуацией накануне Первой мировой войны: и тогда и сейчас

Новым фактором становится процесс т.н. «глокализации» — ситуация, когда в глобальные экономические процессы по-разному встраиваются отдельные регионы крупных стран. Это порождает дополнительные конфликты — как связанные с институциональным разрывом между крупными странами и соответствующими регионами, так и обусловленные трансляцией международных противоречий внутрь отдельных государств (превращение их в конфликты между регионами, корпорациями, институтами, социальными группами, ориентирующимися на разные сегменты глобальной экономики).

Еще один регион такого позиционного конфликта — Африка, в которую все сильнее продвигается Китай, устанавливая прямой и косвенный контроль над месторождениями сырья (в котором крайне нуждается), сельскохозяйственными угодьями и т.д.

имеет место глубочайшее переплетение капиталов и собственности различных компаний с транснациональными масштабами бизнеса; и тогда и сейчас они подкрепляются тесными отношениями представителей элит всех ведущих мировых центров силы; наконец, и тогда и сейчас существует ряд региональных конфликтов, ставших детонаторами большого конфликта (Балканы, итало-турецкая война, франко-германские конфликты).

В то же время сложились глубокие взаимозависимости между конфликтующими центрами силы глобальной экономики (прежде всего, США и Китаем), не позволяющие им столкнуться непосредственно. Соответственно можно ожидать выталкивание конфликтов в развивающиеся (особенно наделенные энергоресурсами) страны и их трансформацию в специфические формы «мятежевойн», борьбы с терроризмом / экстремизмом / диктатурами и т.д.

Дополнительные факторы:

- Сочетание технологического лидерства стран Запада и их крайней уязвимости с демографической, культурной (чувствительность к потерям) и отчасти энергетической и финансовой точек зрения.
- Стратегические противоречия в сфере перестройки валютно-финансовых, торговых и других отношений между крупными субъектами будут накладываться на тлеющие конфликты в разных регионах мира.

Речь идет (по крайней мере, применительно к Северному полушарию) о нескольких важнейших конфликтных зонах:

- Большой Ближний Восток, где взаимно накладываются застарелый арабо-израильский конфликт, конфликт между радикальными исламистскими (сафалистскими) группами и светскими (в основном авторитарными) режимами в целом ряде арабских стран; конфликт между региональными центрами силы, имеющими разное представление о возможном будущем региона (Иран, Саудовская Аравия, Турция).

С учетом особой значимости региона в мировой политике и экономике (нефтяной фактор) элементом конфликтов здесь становится скрытая позиционная борьба глобальных центров силы за контроль над районами добычи энергоносителей, путями транспортировки, уровнем рисков.

- Дальневосточный узел. Речь идет о нескольких взаимоусиливающих группах противоречий между всеми основными региональными игроками: корейский вопрос, в последнее время ставший основой для серии вооруженных инцидентов между КНДР и РК; тайваньский вопрос; территориальные конфликты между Японией и ее соседями (Россией, Кореей, Китаем); возможность возобновления территориального спора Китая и центрально-азиатских государств (Киргизии, Казахстана).

Данный узел следует отнести к числу особо опасных в силу следующих обстоятельств: а) наличие у ряда стран, прямо или косвенно вовлеченных в соответствующие конфликты, ядерного оружия (США, Россия, Китай, в незначительных количествах — КНДР) или потенциала его быстрого создания (Япония, РК, Тайвань); б) сочетание высокого уровня вовлеченности во внутрирегиональные конфликты великих держав (корейский конфликт — Китай и США, до некоторой степени Россия; тайваньский вопрос — США; гарантии России по отношению к постсоветским странам Центральной Азии) с низким уровнем институтов, обеспечивающих диалог между странами-глобальными лидерами, что порождает риск неконтролируемой

эскалации локальных конфликтов; в) переход Китая к более активной военной доктрине, включая военное строительство на основе концепции «стратегических границ и жизненного пространства» — нуждающихся в защите рубежей зон жизненных интересов / безопасности, обеспечивающих стабильное развитие китайской экономики и находящихся вне китайской территории; возможность ведения локальных войн на сопредельных территориях; возможность упреждающего применения ядерного оружия.

- Ряд «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве, в Югославии и Южной Азии. К их числу относятся практически все двухсторонние (приднестровский, грузино-абхазский, грузино-южноосетинский, карабахский) и ряд внутренних («замороженные гражданские войны» на Украине и в странах Центральной Азии) конфликтов на постсоветском пространстве; боснийский и, вероятно, македонский конфликт в бывшей Югославии; индо-пакистанский конфликт.

Особую опасность для России представляют конфликты на территории постсоветского пространства, например на Украине (огромный потенциал вовлечения в конфликт развитых стран, трансформации его в полномасштабную войну), и обладающие высоким риском «разогрева» внутренние конфликты в Центральной Азии. Здесь обремененные рядом социально-экономических и политических проблем и недостаточно эффективные государства атакуются исламистскими движениями, выступающими с острой критикой социальной ситуации в данных странах. Дополнительные риски могут возникнуть в случае, если в Афганистане произойдет крах нынешнего политического режима, ведущий к «выбиванию» поддерживающих его групп («доталибанских» исламистов) на территорию этнически близких Таджикистана и Узбекистана. Это потребует немедленного военного вмешательства России (с учетом принятых обязательств по ОДКБ, наличия на территории Таджикистана и Киргизии российских военных баз) с неопределенными результатами в случае возникновения масштабного внутреннего конфликта.

Кто? — новые игроки

Новыми участниками глобальных конфликтов, особенно в исламских регионах (кроме того, на Дальнем Востоке и в Латинской Америке), становятся внесударственные субъекты, обладающие радикальной идеологией. Наиболее массовый вариант — радикальный «политический исланизм», салафизм, в отдельных регионах действуют также радикальные левые группировки, в том числе маоистского толка.

Особенностями современной ситуации являются три обстоятельства:

- Глобальный характер политического радикализма. Левый радикализм был международным изначально. Но и радикальный исланизм в последние годы перешагнул национальные и этнические границы, активно распространяясь в Европе, США и России, что резко повысило его эффективность.
- Отсутствие внятного позитивного проекта в деятельности радикальных групп. Если ранее за деятельностью радикалов прослеживалась внятная идея формирования того или иного социального порядка, осуществление «левой модернизации» (Что в принципе делало левые политические группы «договороспособным» субъектом в диалоге с другими национальными элитами.)и т.д., то сейчас деятельность подобных групп имеет преимущественно деструктивный характер, будучи направлена на борьбу против того или иного конкретного социального порядка при предельно неконкретном и утопичном проекте за.
- Легкость перебрасывания очагов дестабилизации через национальные границы, продемонстрированная, в частности, в ходе «исламской весны» 2011 г. и последующих событий. Данный фактор чрезвычайно опасен для государств Центральной Азии и соответственно для России.

Другим новым игроком становятся частные военные компании — ЧВК, негосударственные субъекты, предоставляющие услуги в области обороны и безопасности. В последние годы наблюдается явная тенденция усиления этих структур, роста их численного состава

ЧВК действовали во время поздней фазы гражданской войны в Анголе (охрана нефтяных месторождений), конфликтов в Боснии и Косово, Чечне (перед второй чеченской войной британские частные военные компании оказывали помощь властям т.н. Республики Ичкерия в подготовке саперов), Афганистане, Ираке. Так, **Blackwaters / Greystone** были одним из основных участников конфликта в Ираке, действуя в стране группировкой почти в 20 000 сотрудников и проводя эффективные операции по борьбе с иракскими повстанцами. На вооружении в подобных структурах помимо самого современного стрелкового оружия имеются легкая бронетехника, катера, самолеты, вертолеты и даже небольшие вертолетоносцы, а также современные нелетальные средства поражения.

и технического оснащения. Повышение роли таких структур, действующих по договорам как с правительствами, так и с частными компаниями, означает появление нового субъекта в сфере безопасности — причем субъекта негосударственного и транснационального, действия которого лишь в малой степени регулируются имеющимися институтами международного права.

Как? — снижение порога применения силы

В целом можно ожидать развития следующих тенденций:

1. Начало «быстрых войн» со стороны технологически развитых стран, сокращение «особого периода» и сроков на стратегическое развертывание группировок войск–сил. Последние годы разрыв между принятием решения на ведение боевых действий и их фактическим началом неуклонно сокращался. Если во время операции против Ирака в 1991 г. период развертывания и подготовки к ведению боевых действий занял четыре с половиной месяца (для ВВС, для наземной группировки — почти семь месяцев)*, что давало иракскому руководству принципиальную возможность политического маневрирования, проведения мобилизационных мероприятий и т.д., то удары по Ливии в 2011 г. начались всего через несколько дней после политических заявлений о военных преступлениях ее руководства против повстанцев. В перспективе по мере

* 2 августа 1990 г. — резолюция СБ ООН № 660, 17 января 1991 г. — начало воздушной фазы операции, 24 февраля 1991 г. — начало наземной фазы.

дальнейшего совершенствования инфраструктуры боевого развертывания ВС развитых стран, их модернизации, развития систем снабжения и боевого управления в реальном времени немедленное начало боевых действий после оценки ситуации в том или ином регионе как неприемлемой станет правилом. Соответственно рассчитывать на длительный «особый период», в ходе которого можно будет проводить мобилизационные мероприятия, развертывание войск (сил) на угрожаемых направлениях и т.д., не приходится. Еще более сократится этот период в случае успешной реализации (в том или ином варианте) американской концепции «prompt strike», предполагающей создание технологий нанесения немедленного (в течение часа после получения приказа) удара неядерными средствами по географически удаленному району (например, ядерным объектам КНДР).

2. Размывание грани между состоянием мира и войны. Появление новых форм противоборства (гражданские беспорядки с ограниченным применением насилия, поддерживаемые извне, «мятежевойна»), новых субъектов применения силы (террористические сети, частные военные компании и др.), новых средств ведения войны (кибератаки, применение нелетального оружия, использование высокотехнологичных диверсионных средств, применение средств радиоэлектронной борьбы для подавления гражданских информационных сетей и баз данных, включая энергетические и финансовые и др.) делает неразличимым грань между состояниями «мир–террористическая активность» и «гражданские беспорядки–внутренний конфликт с внешней поддержкой–война».

3. Резкий рост интеллектуализации боевых действий. Скачок в сфере создания систем связи и боевого управления позволяет достичь уровня «ситуационной осведомленности» (Situational Awareness) — полного восприятия ответственным командиром (вплоть до командиров отдельных тактических единиц — отдельного самолета, танка, пехотного взвода, разведгруппы) окружающей тактической обстановки в реальном времени, включая возможность выстраивания точного краткосрочного прогноза. Это резко, качественно снижает уровень

X-47 – серия многоцелевых боевых беспилотных летательных аппаратов производства компании Northrop Grumman. Разработка ведется в рамках программы по созданию беспилотного самолета, способного взлетать с авианосца.

неопределенности, «тумана войны» и, по американским оценкам, создает преимущество, соответствующее по масштабу одностороннему обладанию огнестрельным оружием. Другая линия — роботизация боевых действий и создание полностью автономных (не управляемых оператором) боевых средств. Применительно к ВВС такие полностью автономные ударные средства разрабатываются США (X-47, обладающего потенциалом для создания на его основе нового ударного БПЛА). Также в США и других странах ведется разработка наземных автономных ударных средств в рамках систем охраны важных объектов и рубежей.

4. Увеличение террористических рисков. Продолжение процессов урбанизации и этнического перемешивания населения приведет к повышению уровня невротизации населения, смещению и потере идентичностей. Эти процессы увеличат контингент потенциальных террористов, вербовочную базу для террористических организаций. Соответственно, весьма вероятным (с учетом нового усиления конфликтности международных отношений) является новая волна терроризма. При этом можно ожидать широкого применения высоких технологий (включая средства генерации электромагнитного импульса высокой мощности*, беспилотные летательные аппараты, химические, биологические и радиационные препараты,

* Примером нового вида угроз является высокотехнологичный терроризм, связанный с применением импульсных средств РЭБ высокой мощности. По оценкам, единичное применение таких средств способно заблокировать работу крупного делового или административного комплекса, аэропорта, центра управления экстренными службами города.

использование кибератак для дестабилизации работы сложных технических систем, обеспечивающих жизнедеятельность крупных городов). Кроме того, скорее всего, произойдет расширение практики суицидального терроризма, включая риски суицидального биотерроризма.

Новым фактором предстоящего периода становится размывание грани между международно признанными состояниями мира и войны. Этому будут способствовать следующие факторы:

- Использование террористических групп, кибератак, применение биологического оружия сможет замаскировать непосредственно момент нападения, а в представлении нападающего (особенно если принятие решения на нападение будет децентрализованным, с участием негосударственных субъектов) — вообще не иметь характера военного нападения.
- Распространение практики т.н. «мятежевойны», формирование транснациональных террористических сетей. Это означает постепенное стирание грани между классической войной и действиями по борьбе с повстанцами / террором, особенно с учетом того, что такие действия в последнее время ведутся с применением тяжелого оружия и на экстерриториальной основе.
- Ожидаемый рост применения нелетального оружия, включая оружие, основанное на новых физических принципах.

Проблема в том, что анонимизация войны и снижение всех и всяческих барьеров на вооруженное насилие (через своеобразные «окна Овертона» в рамках эскалации от поддержки мятежей, кибератак, действий ЧВК до полномасштабного конфликта) – это как раз то, что объективно востребовано современными западными элитами и обществами, психологически не готовыми (пока) к масштабным войнам, но верящими в технологии как способ эффективного решения проблем.

В общем, шутка «на удар непонятно от кого США ответили контрударом по кому попало» становится из шутки рутинным анализом новостной сводки. ■